

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ: СЛУЧАЙ КАШУБОВ ПОЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

Александр Васюков
Санкт-Петербург, Россия

В статье представлен анализ трансформации социального статуса кашубского языка на протяжении XX в. Рассматриваются основные стратегии языковой политики, применяемые активистами кашубского этнорегионального движения в польском регионе Поморье. Автор показывает особенности внедрения кашубского языка в образовательную сферу и печать, специфику стандартизации и кодификации языка. Дана краткая характеристика современного правового статуса кашубского языка.

Ключевые слова: кашубы, кашубский язык, этническая идентичность, языковая политика, языковая кодификация.

Кашубы проживают на южном берегу Балтийского моря, на территории, которая на протяжении столетий была яблоком раздора между польским и немецким национальными проектами. Поморье традиционно было регионом полиязычным. Как отмечает современный польский социоллингвист Ядвига Зенюкова, на территориях компактного расселения кашубов (Кашубии), которые вплоть до Второй мировой войны были разделены между Польшей, Западной Пруссией и свободным городом Гданьском, сосуществовали четыре идиома: локальный кашубский диалект той или иной местности; польский литературный язык; какая-либо диалектная форма нижненемецкого языка и литературный немецкий. Все эти лингвистические коды были функционально разграничены и поддерживались на разных культурных уровнях. [9, с. 261]

Так, языком бытового употребления, домашней коммуникации местного сельского населения и в небольших городках был преимущественно кашубский. Несмотря на то, что попытки его кодификации предпринимались еще с середины 19 века, до конца 20 века мы не можем говорить о едином стандартизированном литературном языке. Поэтому в данный период кашубский язык выступал в форме одного из своих многочисленных диалектов. Несмотря на незначительную территорию кашубского этнического ареала, долгое время кашубский язык оставался крайне дифференцированным. По оценкам филологов, в начале XX века тут существовало до 72 диалектных форм кашубского.

Кашубский язык оставался языком непрестижным, прочно ассоциировавшимся с сельским образом жизни и применявшимся почти исключительно в устном общении. Стремление местных жителей приобщиться к образованию часто воспринималось как необходимость перейти на немецкий в повседневной жизни. Так закладывались основы добровольной ассимиляции. Собственно само кашубское национальное движение середины

19 века во многом и зародилось как протест местной интеллигенции против набирающего оборот процесса германизации кашубов.

Важную роль в поддержке этнической идентичности кашубов занимало католическое вероисповедание, ставшее определенным препятствием в процессе аккультурации кашубов в немецкую среду. Другие же славянские группы, сформировавшиеся в ареале польско-немецкой культурной границы и принявшие лютеранство (мазуры, словинцы) были лишены подобной сдерживающей силы. Так, словинский язык, крайне близкий к кашубскому (среди польских лингвистов до сих пор нет единого мнения стоит ли их рассматривать как две формы одного кашубско-поморского языка или же как два самостоятельных славянских языка), видимо, практически полностью исчез к началу XX века, а большинство словинцев перешли на немецкий, сохраняя славянское самосознание.

Другим славянским языковым кодом кашубов был польский литературный язык. Он выступал прежде всего как язык костела и прессы, получившей значительное распространение в Поморье в начале XX века вместе с усилением идей польского национализма и возрождения независимого польского государства. Нижненемецкий язык выступал как средство коммуникации с многочисленными еще с эпохи Средневековья немецкими колонистами региона. Так, до массовых депортаций этнических немцев с территории Поморья в послевоенный период, Кашубия местами представляла собой чересполосицу кашубских и немецких деревень. Последний идиом представлял собой немецкий литературный язык, который выступал как язык образования и школы, а также официальный язык государственных учреждений Пруссии.

В послевоенный период языковая картина региона сильно изменилась, и связано это было с переориентацией местного населения от многоязычия на двуязычную коммуникацию (польско-кашубскую). Причем в кашубском элементе этой диады также произошли изменения. Значительные миграционные волны в Поморье из других регионов Польши, урбанизация и индустриализация региона, массовый переход кашубской молодежи на польский язык содействовали стремительному сокращению количества носителей языка. Изменился и характер его передачи. Если раньше главной средой языковой трансляции была семья, то в послевоенное время эта традиция была прервана [1, с. 142]. К концу XX века подобную роль взяли на себя многочисленные культурные институты кашубского сообщества, прежде всего школа и пресса. В свою очередь это влечет к исчезновению языкового разнообразия региона, и прежде всего выходу из употребления многочисленных диалектных форм и говоров кашубского. С другой стороны, школа с середины 1990-тых гг. обеспечивает распространение литературного стандарта кашубского и повышение его социального престижа. [7, с. 21]

Интересно, что именно на период утраты кашубским статуса главного языка семейного общения приходит активная заинтересованность в нем со стороны профессиональных лингвистов. Именно в этот период осуществляются многочисленные поездки и полевые исследования, плодом которых стала публикация начиная с 1967 г. семитомного "Словаря кашубских говоров" под редакцией Б. Сыхты, а также "Кашубского языкового атласа" под ред. Х. Таборской. Работа филологов, издание многочисленных словарей и грамматик содействовали ускорению стандартизации кашубского литературного языка. Поворотным тут можно считать 1975 г. (официальное утверждение Кашубско-Поморским объединением основ кашубской письменности). [4, с. 108]

Сегодня в славистике можно встретить три подхода к трактовке статуса кашубского языка: 1) восприятие кашубского как самостоятельного западнославянского языка лехитской группы; 2) восприятие кашубского как наиболее удаленного диалекта польского языка; 3) описание кашубского как некой переходной формы между вымершим еще в 18 веке полабским языком и польским. [10, с. 47]

В последнее время все большее распространение получает первый подход и связано это прежде всего с эмансипацией и активизацией кашубского этнического движения в современной Польше. Сознательно избрав кашубский язык как главный маркер этнической

идентичности [5, с. 13] кашубские активисты борются за повышение социального статуса языка, его востребованность на всех уровнях культуры, придание ему правовой поддержки со стороны государства и окончательное утверждение единой литературной нормы. Так, развитием и дальнейшей кодификацией кашубского языка сегодня занимается Совет по кашубскому языку, основанный в 2006 году. Данная организация ежегодно издает свой бюллетень, в котором освещает вопросы современной кашубской лексикологии и терминологии.

К сожалению, мы не можем с точностью сказать сколько носителей кашубского, как и самих кашубов, проживает сегодня в Польше. Социологические исследования дают нам приблизительные цифры в 516 тыс., из которых 332 тыс. являются носителями языка (исследование Марека Лятошека), либо 566 тыс., включая 390 тыс. носителей кашубского. Официальные цифры сильно отличаются от данных исследований и вызывают слабое доверие. Так, лишь последние две переписи населения в Польше (2002 и 2011 гг.) фиксировали кашубов как отдельную этническую группу. Перепись населения 2002 г. выявила всего 5062 кашуба, парадоксальным при этом выглядит тот факт, что основным языком домашнего общения кашубский указали более 52 тыс. человек. Особенностью данной переписи была возможность указать лишь одну этническую идентичность, что не позволило отобразить распространенную среди кашубского населения Поморья бинарную (польско-кашубскую) идентичность. Иначе проходила перепись 2011 г., которая выявила уже 232 тыс. кашубов, из которых 16 тыс. указали себя исключительно как кашубы, а 216 задекларировали двойную идентичность, при этом обычно ставя на первое место польскую. Как видим, данные переписей сильно разнятся с данными этнографов и кашубских активистов, что может быть объяснено непродолжительностью практики выделения кашубов в отдельную этническую группу, определенным этническим комплексом, который и сегодня не позволяет многим кашубам указывать свое истинное этническое происхождение в официальной сфере. Наиболее правдоподобными представляются данные Обрахта-Прондзинского, согласно которому в Поморье (преимущественно в Поморском воеводстве) сегодня проживает до 0.5 млн. этнических кашубов из которых около 60% могут говорить по-кашубски, однако лишь 80 тыс. используют этот язык ежедневно. Большинство активных носителей - это представители старшего поколения. Люди среднего возраста могут говорить по-кашубски, но редко использует его вне семейной сферы. Молодежь обладает пассивным знанием языка либо до обучения в школе вообще не владеет кашубским. [6, с. 65]

Наибольших успехов кашубские активисты добились именно в образовательной сфере. После демократических перемен в стране в 1991 г. открылся первый Кашубский общеобразовательный лицей в г. Брусы. После этого преподавание кашубского языка стало стремительно развиваться в ряде общеобразовательных школ и лицеев региона. С 2005 года стало возможным сдавать кашубский язык в качестве выпускного экзамена. Если в начале 90-тых количество учеников в кашубскоязычных классах не превышало нескольких десятков, то в 2014 учебном году кашубский изучали как предмет уже 17 145 учеников. Ежегодно эта цифра растет. Но пока кашубский редко используется как основной язык обучения, а преподается 2 или 3 часа в неделю. Одной из главных трудностей на пути внедрения кашубского в школьное образование стало отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров. Основание в Гданьском университете образовательной программы по кашубистике призвано решить проблему с нехваткой педагогов.

История кашубской прессы насчитывает уже более полтора века. Первым периодическим изданием на кашубском языке можно считать редактируемый "отцом-основателем" кашубского национального движения Флорианом Цейновой "Сокровища словинско-кашубского языка". Важной вехой в истории кашубской печати следует также считать издание с 1908 г. кашубскоязычного приложения "Družba" к "Gazeta Gdańska", подготовленное лидером культурологического движения Младокашубов, автором первой

синтетической истории кашубов Александером Майковским. Позже в разное время издавались "Gryf", "Zrzesz Kaszëbskô", "Tatczezna". Сегодня наиболее массовым является двуязычный ежемесячный журнал "Pomerania", издающийся с 1963 г. и являющийся одновременно печатным органом главной репрезентирующей кашубское движение в Польше организации - Кашубско-Поморского объединения.

Активно работает также кашубскоязычное радио, традицию чему положили короткие передачи на государственной радиостанции "Радио Гданьск", но с 2004 года работает частная радиостанция "Radio Kaszeba", вещание которой происходит полностью на кашубском языке. Скромнее обстоят дела с телевидением, однако и тут кашубы имеют получасовые передачи на гданьском телевидении. [3, с. 116]

Во многом все эти достижения стали возможны благодаря изменению правового статуса кашубского языка, который согласно "Закону об этнических и национальных меньшинствах и региональном языке" от 2005 г. признан региональным языком в Польше. Согласно закону, в гминах и повятах, где кашубов по результатам переписи насчитывается не менее 20% кашубский язык может быть признан рабочим языком, в местное население имеет право обращаться в государственные учреждения на кашубском языке, указывать в кашубском правописании имя и фамилию в личных документах, финансировать культурные и образовательные программы на кашубском языке. Сегодня кашубский имеет статус рабочего в 4 повятах Поморского воеводства, претендовать на это могут еще 15. [2, с. 98]

Принятие закона стало результатом продолжительной и напряженной дискуссии между парламентской комиссией по делам этнических и национальных меньшинств и представителями кашубского сообщества, которые привлекались в качестве экспертов. Если проследить дискуссию 90-тых можно убедиться, что позиция комиссии несколько раз колебалась от готовности признать кашубов этническим меньшинством до полного игнорирования их. На фоне усиления силезского сепаратизма и идей отдельной силезской этнической идентичности, закон 2005 года можно считать определенным компромиссом, который предоставил кашубскому языку определенные гарантии государственной поддержки, но не трактует кашубов как отдельную от поляков этническую группу. [8, с. 87]

В заключение можно заметить, что в течении XX века кашубский язык проделал долгий и сложный путь от вытесняемого процессами германизации или полонизации идиома, трактуемого исключительно как диалект польского языка, до регионального рабочего языка, литературная норма которого активно формируется в наши дни. Языковая политика и стратегии продвижения кашубского языка и культуры в различные гуманитарные сферы: школу, костел, печать, - были изначально одним из наиболее эффективных инструментов консолидации кашубского сообщества, применяемого лидерами кашубского этнорегионального движения.

1. Семенова А. Культурная, лингвистическая и этническая идентичность кашубов в диалоге поколений / А. Семенова // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М. : Ин. Слав. РАН. – 2010. – с. 134–151.
2. Bukowski Z. Prawny status języka regionalnego w Polsce na przykładzie języka kaszubskiego / Z. Bukowski // Studia z Zakresu Prawa, Administracji i Zarządzania. – 2016. – Т.9. – s. 89–108.
3. Dołowy-Rybińska N. Kashubian and modern forms of media - new survival chances for edangered languages / N. Dołowy-Rybińska // Eesti ja Soome-ugri Keeleteaduse Ajakiri. – 2011. – № 2. – p. 109–124.
4. Makurat H. Sytuacja języka kaszubskiego z punktu widzenia hierarchicznego języków i polityk językowych na płaszczyźnie diachronicznej i synchronicznej / H. Makurat // Biuletyn Rady Języka Kaszubskiego. – 2007. – Т.2. – s. 104–112.
5. Obracht-Prondzyński C. Kaszubi dzisiaj. Kultura-język-tożsamość / C. Obracht-Prondzyński. – Gdańsk : Instytut Kaszubski, 2007. – 54 s.

6. Obracht-Prondzyński C. Kashubian Identity and Education as Key Elements of Language Policy / C. Obracht-Prondzyński // ALPPI Annual of Language & Politics and Politics of Identity. – 2016. – № 10. – p. 61–81.
7. Siatkowska E. Trudne początki drogi do literackiej kaszubszczyzny / E. Siatkowska // Acta Cassubiana. – 2007. – T. IX. – s. 16–28.
8. Szwajczuk A. The legal status of Kashubian in Poland / A. Szwajczuk // Comparative Legilinguistics. – 2013. – № 15. – p. 83–92.
9. Zieniukowa J. Zmiany w statusie języka kaszubskiego od połowy XX wieku do początku XXI wieku. / J. Zieniukowa // Etnolingwistyka. – 2009. – № 21. – s. 259–269.
10. Zieniukowa J. The Kashubian language - a minority language spoken in borderlands as it was and as it is today / J. Zieniukowa // Český lid. – 2015. – № 102. – s. 43–54.